

ЧАСТЬ I

ГЛАВА 1

Опасная встреча

Сердце Данилы будто наполнилось льдом; сжавшись в комок, поскакало: вверх-вниз, вверх-вниз, от кафельного пола до потолка, от глубин преисподней к небесам, подоткнутым тяжёлой пеленой снежных туч. Перед его квартирой, на лестничной площадке, наворачивал круги милиционер. «Конец», – силой воли Данила попытался отловить сердце, вернуть его в клетку, затолкать обратно, не расплескав до основания. Напрасно. Выскочив однажды, сердце проникло во всё, что вокруг: в стены и тусклую лампочку, в оконную раму, в сапоги. Оно пульсировало, сотрясая собой мир.

– Вы были знакомы? – спросил милиционер.

– Что? – еле проговорил Данила, во рту было сухо, точно в камере, приготовленной для пыток.

Ничего лишнего.

– Да умерла сегодня из пятнадцатой. Тихо, говорят, жила, одна. Родственников найти надо.

На улице пронзительно выла сирена, протыкая иглами подъездную тишину. Милиционер уже спустился по лестнице. Удаляясь, его шаги терялись в гулких сводах, а Данила всё не мог вернуть себя в действительность. Погоди. Всего-навсего мент пришёл в соседнюю квартиру. Вон, дверь приоткрыта, слышатся голоса. Видимо, она умерла. Так, нормально всё, держись, братан: то ли восемьдесят, то ли девяносто ей было, старая уже. Может, и все сто. Наталья, кажется. И всё-таки неприятно, странно. Уже у себя, упав на неубранную кровать, зарывшись лицом в простыни, Данила вновь и вновь прокручивал ситуацию. Милиционер смотрел с подозрением. Его взгляд был долгим, изучающим. И вопрос с подвохом. Сказать, что не знакомы – нельзя. Как же! Вы жили на одной лестничной площадке. А раз знакомы, то расскажи подробнее. Про всё. Про всё. Про всё. Явился... Ни раньше, ни позже. Ужасная мысль полыхнула в сознании. Данила тут же вскочил и бросился на кухню. Отворил дверцу шкафа под раковиной.

Пакет стоял на месте. А в нём, среди чистящих средств и порошков, ещё один пакет, тяжёлый и будто даже сейчас, вопреки здравому смыслу, излучающий постоянную энергию. Буря, зажатая

в стенки сосудов, сокрушительная и беспощадная. На лице Данилы выступили капли пота. Такого облегчения он в жизни не испытывал. Всё стало лёгким и невесомым. И тогда он понял, чего на самом деле боялся: не за себя, а за дело. За то, что всё рухнет, так и не начавшись. Что всё останется прежним. Что Тирольский вечно будет улыбаться с экрана телевизора и обирать простой народ, развлекаясь на яхте со своими тёлками.

Интересно, что бы дядя Лёня сказал? Ну, если бы знал весь план, все события до конца? Леонид Николаевич Линозов, историк и экскурсовод города N, был, пожалуй, одним из самых образованных и честных людей планеты. К шестидесяти годам он выглядел благородно. Особенно поражал взгляд: мудрый и глубокий, мерцающий за очками, дужки которых были обмотаны синей изолентой. Он немного горбился и любил носить яркую мальчишечью кепку задом наперёд, что придавало его облику милую непосредственность с привкусом старческого маразма. В какие только тайники мировой истории не проникал его пылкий ум! Сколько фактов, имён, архивных данных он мог привести за раз! И когда Данила думал о судьбе лучших людей страны, про эту смешную кепку и сломанные очки, ему становилось мерзко и больно. Внутренняя чуткость учёного создавала резкий контраст с душевным примитивом тех, кто захватил сегодня власть. Вечно молодые, самоуверенные, порочные. Вставные челюсти этих нелюдей так и сверкали в неоновых вспышках прожекторов. И местный миллионер Тирольский, по прозвищу Тролль, был одним из них.

Только подумать: недавно в интервью Тролль заявил, что раз в месяц обязательно летает в Париж, чтобы погулять по Лувру, а также постоять и покурить в тени Эйфелевой башни. Безумие. Соседка, баба Наталья, и на самолётах, быть может, никогда не летала. Не то что в Париж.

Вспомнив про Наталью, Данила вздохнул. Жалко. Её тоже жалко. Жила всегда одна, ни детей, ни внуков; кормила на улице птичек и котов, вязала полосатые носочки и продавала их на рынке. Пару носков как-то раз подарила ему, Даниле. Где-то в шкафу сейчас валяются... Ни разу так и не надел. Слишком толстые для ботинок. Правда, прошлой зимой пригодились. Засунул в них подарки для Полины и под ёлку положил. В тот год, бесснежный, но всё-таки прекрасный, у него дома была настоящая лесная ёлка. Стояла в ведре, посередине комнаты, покрытая мишурой. А как смеялась Полечка! Так и села на пол, вытряхивая из носков конфеты, орехи, блокноты, заколки, гребешки, прочие мелочи...

И вот теперь, значит, Наталья... Отчества он так и не запомнил, больше не выйдет на улицу, не сядет на складной стульчик возле подвала, подзывая кошек. Данила заварил кофе и посмотрел в окно. Уже давно стемнело. Только крупные снежинки пролетали в свете фонаря. Ничего особенного, если бы не время года: на дворе стоял апрель. Снег покрывал первую травку и твёрдые гроздья только-только народившихся почек. Весело и верно погружал яркий мир в единое бесцветное пространство, заполненное лишь облаками, бегущими вдоль самого асфальта. Вздвогнув, Данила отпрянул от окна. Ему показалось, что сквозь бурю медленно и упрямо, сжав тонкие губы, идёт Наталья. Совсем такая, как в жизни. В сером пуховом платке, из-под которого виднеются прядки седых волос, в бежевой куртке и потёртых широких брючках, заправленных в сапоги.

* * *

В ту самую ночь в город N вернулась птица Сирий. Уселась на трубу бывшего кирпичного завода. Сладостные звуки мягко плыли над крышами домов и оседали где-то на окраине, проваливались в карманы редких прохожих, не подозревавших, какое сокровище приобрели. По-хорошему, эту птицу нужно было гнать. В старые русские времена, заметив хоть одно перо незваной гостьи, крестьяне выбегали на поляну и стреляли из ружей, малые дети – даже те – ширкали из рогаток. В противном случае половина жителей падала замертво, не в силах вынести томительных нежных звуков.

...И тогда и сейчас на поляну выходят художники. Вновь и вновь пытаются схватить птицу, затолкать в золочёную клетку, невзирая на опасность мистических встреч. Правда, не все, лишь некоторые. Многие равнодушно слушают музыку, льющуюся с неба на землю. Пьют бесконечный чай, листают новости Фейсбука, мечтают и грустят. Только белые лепестки, кружась, осыпаются на землю. Только...

По ту сторону завода. 1937-й

В пепельных сумерках – робкие звёзды, насыпь тумана и темноты. Сирий красуется в вешнем наряде, яркие перья и жемчуг в косе. Над засыпающей нищей деревней – дивная песня дрожит: словно хрустальные хрупкие звуки тают на кромке судьбы. Звонко и пусто становится в сердце, хочешь – зови, хочешь – молчи. Только в стихающих грустных напевах плещется море внутри.

Афанасий Иванович Петров, бывший староста храма Благовещения, на море-то ни разу не был, лишь на картинках видел. С тех пор как двадцать лет назад произошла революция, на море ничего не изменилось. Корабли ходят, рыбы разные живут (одна из них – рыба-кит, с остров большой размером), волны колечками складываются. Сестра Аграфена Ивановна поставит вечером самовар, про чудеса, страхи и научные открытия расскажет. Серый кот на колени прыгнет, песенку споёт. А за окном выюга всё воет да воет, деве-птице грудь открытую выстужает, бусы бледные теребит.

– В пургу весь мир делается морем, – говорит Аграфена Ивановна, – разве что соли ещё добавить! Так и по вкусу всё сойдётся...

Петров про дочку тем временем думает. Больно не вовремя она в религию обратилась, в храм по воскресеньям стала ходить. Да и вообще, не современно всё это теперь. Что люди скажут? Дочь самого Петрова от жизни отстаёт. Такая молва никого не красит. Даже Наташеньку, без пяти минут невесту – и не кого-нибудь, а лучшего работника кирпичного завода, ударника во всевозможных видах трудовой деятельности.

– Ты мне про Ленина лучше расскажи, – просит Афанасий, – как он там со старухой в лесу встретился.

– Встретился, ой, было дело! – послушно откликается Аграфена. – А ты как думал, родной? Несла она связку хвороста. Вся из себя такая... Старорежимная. А Ленин на поезд спешил. Опаздывал. Посмотрели они друг на друга, значит... Ну, и всё. Вздохнул Ленин – и дальше пошёл, только валенки заскрипели.

– Вот как оно бывает... – эта байка Петрову очень нравилась. Сложно объяснить, чем именно. Возможно, незамысловатостью своей. – А про Сталина?

В сенях скрипнула дверь, и спустя мгновение в комнату вбежала девушка, невысокая и чуть полноватая, с румянцем во всю щёку. Коротко подстриженные волосы обрамляли миловидное личико с пухлыми округлыми губками, похожими на вишню, и тёмными, почти чёрными глазами. «Курица» – так называла её про себя Аграфена Ивановна и печалилась, как у её брата Афанасия, вполне интеллигентного, благородного, выросла слишком беспечная и суетливая дочь – примерно таких на лубках малюют художники-самоучки. Правда, истории самой Аграфены нередко напоминали лубок, но это было умышленно, для потехи. Наташа же выказывала свою лубочность на полном серьёзе, без усмешки, а как бы её натуре свойственную. Возможно, лет так через пять-десять она заматерееет окончательно и станет напоминать матрёшку. В храм даже стала ходить, в этот белый громадный собор, в который теперь лишь одни бабки тёмные стекаются – жительницы окрестных деревень да богаделен. Бедный Петров!

– Чем занималась сегодня, Наташенька? – традиционно спросила Аграфена. – На стройке была? Как Василий? В церкву ходила? А то ведь колокола утром бушевали, все уши мне отмозолили, ух. Умные люди сейчас в музеи спешат, науку изучают. Мудрые объяснения слушают. И как земля появилась, и человек откуда взялся. Сначала он в шерсти был и с копытцами. Барашком ходил...

– Папа... тётя... – Наташа отступила назад и, качнувшись, вдруг рухнула на скамейку. Закрыла лицо руками.

– Наташенька! – засуетилась Аграфена. – Кто ль обидел?... Деточка... Случилось что?

– Случилось! Отца Виктора всё-таки забрали! Не тогда, когда мы собрались, а ночью, после... После... – Больше она ничего не могла сказать. Не от слёз, а от какой-то внутренней пустоты, что, протупая за словами, мгновенно лишала их всякого смысла.

– Ну, забрали... Ну и что? – резонно заметил Афанасий. – Эка невидаль.

Всё произошло ещё два дня назад. Сотрудники НКВД ворвались в храм во время всенощной, и сразу – в алтарь, прямым путём через царские врата. Мальчик-звонарь метнулся на колокольню. Тревожные бом-бом-бом поднимались, будто огромные факелы, и, замирая, полыхали над городом. Звук был каким-то жалобным и непрерывным. Набегал волнами. Глушил радостное движение советских трудящихся граждан, сдёргивал пелену утреннего сна. Народ сходил. Всё больше, больше,

вот уже во дворе негде протолкнуться. Стоят стеной, храм окружили. Колокольный звон стал общим пульсом, он проникал под кожу, ускоряя движение крови. В небе, обычно скрытом тяжёлыми слоями туч, вдруг образовалась бездна. Пробоина, похожая на прорубь, что делают рыбаки зимой. Молчаливо и робко проступили первые звёзды. Золотая пшеничная россыпь. Птица Сирий устремила её поклевать – звёзды напомнили ей спелые ягодки морошки на болотце былинных времён. Так и ухнула с головой в этой бездне, только лапки мелькнули да крыло.

В тот день отца Виктора забрать не удалось. Он предложил сотрудникам НКВД прийти ночью, когда всё успокоится. «Сейчас-то народу много. Приходите после, позже...» Так они и поступили. Священника арестовали, когда небо и земля соединились в единую плоскость. Во всём городе горело одно единственное окно, узкой, змеиной полосой: в подвале бывшего купеческого дома, где обитал теперь комсомолец Василий Суслов. В ту ночь он сидел на подоконнике с блокнотом и пытался сочинить стихотворение-агитку в честь ударного дня на кирпичном заводе. Несколько строф уже бронзовели, подкованные рифмами, когда, сверкнув фарами, за углом скрылась машина. Василий ничего не заметил, потому что был погружён в чувственную стихию зарождающихся форм – прохладных и терпких на вкус, будто неспелая вишня. Потом он убрал карандаш в пенал и лёг спать. Спокойно заснул, радуясь своей молодости, революционному успеху и куражу. Мирно заснул, не догадываясь, что у стихотворения не будет читателя. И что сам он никогда не прославится, как хотелось бы. Не помогут ни занятия в литературной студии, ни беседы с мастерами слова, искренняя любовь к Наташе и бодрость духа – ничего.

ГЛАВА 3

Непризнанный гений

...Казалось, будто он находится в просторном зале, без конца и без края заставленном стульями с высокими спинками; и будто вдали, на троне, кто-то важно сидит, но дойти невозможно: белые колонны, качнувшись, рассыпаются. И вот уже только груды обломков вместо пышного дворца... Один из обломков угодил в глаз, другой стукнул по голове, третий – проник внутрь, потому что тело стало прозрачным. Прозрачным, израненным, полым внутри.

Данила проснулся. В дверь стучали и звонили. Притаившись, он слушал, как неведомый гость тяжело дышал, топтался, потом стал спускаться по лестнице. По напряжённости шорохов Данила безошибочно угадал, что это был один человек, причём, скорее всего, пожилой и скромный; не группа, не компания, и скрип шагов, тихий, будто колыбельная, отозвался внезапной радостью. Да, Наталья, конечно, умерла не вовремя. Лишняя суета теперь. Но и ему-то осталось продержаться недолго, всего пару дней. Дверь открывать никому не будет, на работу не пойдёт. Продукты в холодильнике имеются. Что ещё?

Прислонившись к стене, он осторожно глянул, чуть сдвинув штору, в окно. Из подъезда выходила женщина в длинной чёрной юбке и модной куртке с блестящими стразами на рукавах. Снег, выпавший вчера ночью, теперь лежал на газонах, неряшливо и грязно, окружённый чёрной рыхлой землёй и лужами. В небе также было зябко, неуютно. За тёткой шествовала пара чуваков с камерами наперевес.

Как же надоели! Сразу понял, что приходили по поводу одного видеосюжета, причём глупейшего. Вот уже несколько месяцев по городу рыскали журналисты, которые снимали фильм «История одной любви». Их интересовало не только что-то великое, незабываемое, но и повседневность. Одну из первых, очень красивых пафосных историй рассказал Тирольский. Тем самым он бросил тень и окончательно опозлил всю идею проекта...

Когда-то они с Полиной подали заявку на участие в проекте. Данила не хотел, но она настояла. Вскоре они расстались, однако режиссёра интересовали «истории любви» не только настоящей, сложившейся, но и былой, угасшей; он хотел показать скрытые пружины и взаимосвязи. Судя по навязчивости, вся его команда – скорее всего, мошенники.

В комнату залетела муха, тяжело повела крыльями. «Совсем скоро проснутся насекомые, а у червей в земле появится свежее питание... – с иронией подумал Данила. – И пошли вы со своим фильмом».

Муха неприятно и как-то даже непристойно зудела. Схватив газету, Данила хлопнул воздух, а затем дверцу подвешенного серванта. Стало тихо. И тогда он увидел...

Там, на верхней полке серванта, между часами и жестяной банкой из-под чая, в пластиковой грешковой рамке коварно затаилась фотография Полины. Получается, весь этот год он ходил с опущенной головой и ни разу не взглянул наверх – так бы обязательно заметил и убрал. Смял бы да бросил в корзину. А в рамку заправил бы что-нибудь иное, да хоть фотографию младшей сестрёнки Даши. Самого близкого, пожалуй, человека в этом мире. И самого светлого.

Неужели он настолько привык к окружающим деталям, что просто не обращал внимания? В таком случае это – первый признак приближающейся смерти. Ты перестаёшь видеть реальность обновлённой, тебя не задевают, не царапают воспоминания, предметы и всё остальное, житейское. Оно становится подобным тусклому отражению мерцающих свечей.

Выхватив фотографию, присмотрелся. Пышным взмахом – золотые косы на плечах. Такие же светло-коричневые, почти золотистые глаза. Тонкий нос, припухшие губы. Сейчас она казалась ему некрасивой. Учтись, что и веснушки ещё замазала и тени под глазами убрала. Знаем мы ваши хитрости. Посмотрел... Да и отложил. Слишком много времени прошло, чтобы злиться. «Живи с миром, – подумал Данила, – будь радостна на своём пути, ну а мой день что-то не задался...»

Данила был прав. День не задался. Чуть позже позвонила мама и, рыдая, рассказала, что после обеда Дашка схватила сумку, школьный рюкзак, и куда-то исчезла. Выскочила из дома, на звонки не отвечает. Нужно было срочно её искать, и это – сейчас-то! «Может, повременить с *делом*, пока Даша не повзрослеет. Через два года она станет совершеннолетней, сможет жить отдельно», – мелькнула мысль и тут же растворилась, задохнулась от внутреннего возмущения. – Нет, нет, ждать, терпеть больше нет сил – нельзя!

От всех этих мелких событий и тягостных известий голова шла кругом, а цельный мир распадался на фрагменты. Муха, режиссёры, фотография, сестра. Апрельский снег, пустынное шоссе. Всё это мерцало, увеличиваясь в размерах, и угнетало, и звало. Так, что Данила забыл про запланированную встречу со своим старшим другом и наставником Леонидом Николаевичем Линозовым, который поджидал его в пекарне «Советская». Мягко говоря, Линозов был не в восторге. Прождав целый час, он сделал неутешительные выводы о духовном состоянии молодёжи, а также деградации общества на фоне разрушительной антинародной политики правительства.

ГЛАВА 4

Красная машинка

Удивительная и странная у них была дружба – у скромного аспиранта химического факультета и мудрого, чуть возвышенного («не от мира сего») экскурсовода-историка. Среди разногласий и всеобщей разобщённости они смогли найти друг друга. Время от времени гуляли по центральной улице или же в тихих беседах проводили вечера в пекарне «Советская». Когда-то экскурсовод Линозов был влюблён в маму Данилы, но свои чувства умело скрывал, давая при этом волю фантазии. Этого вполне хватало, чтобы жить счастливо. Познакомились они в тот период, когда молодой Леонид Николаевич преподавал в школе отечественную историю, а Вита Степановна – литературу. Худенькая и нервная учительница была бы совсем незаметна, если бы не её глаза, чёрные и пронзительные. Скромная до катастрофы (а-ля «серая мышь»), она одевалась просто, без всякого вкуса. Стандартные юбка-пиджак, толстые колготы в рубчик, а на голове – прилизанный строгий пучок, проткнутый шпилькой. Но томный взгляд под тёмными ресницами обещал что-то другое, волшебное и печальное, и при более близком знакомстве Линозов понял, что не ошибся. Общение, правда, было совсем недолгим. Разрушать чужую семью он не собирался. Мало, что ли, в жизни других проблем! Как человек интеллигентный, он мог представлять Виту, когда обнимал других женщин; это было даже приятнее, чем банальная связь, расставляющая все точки над «i»: каждый раз аромат её кожи был новым, а тело таило неизведанные оттенки наслаждения; Вита не прекращалась и была вечной. В каком-то смысле Линозов чувствовал себя однолюбом. И даже гордился этим. Единственное, к шестидесяти годам было бы разумно создать собственную семью, найти какую-нибудь скромную девочку, способную родить здорового ребёнка. Как-то раз он говорил об этом с Данилой, но тот лишь улыбнулся. Высокие идеалы современная молодёжь, увы, совсем не воспринимает. Любовь, дети, прочие ценности им непонятны, как стёртые иероглифы на скале. Они даже семьи создают не искренне, а просто так,

следуя моде. Леонид Николаевич вздохнул, обмокнув блинок в густую сметану. За окном крупными ключьями валил снег – апрельское ненастье продолжалось. Всё кружилось и куда-то несло, исчезая.

Сейчас мгновения рассыпаются, будто мелочь из дырявого кошелька, а раньше... «Есть только миг, за него и держись». Почему? Да потому, что он вечный, этот миг. Лодочкой чудесной унесёт в сиреневую даль. И до сих пор ведь уносит, лаская душу. До сих пор Вита Степановна проходит по коридорам, и маленький Данила бежит вслед.

– Постой! – говорит Леонид Линозов, и мальчик тут же останавливается. – Вот, возьми это, – он протягивает шоколадку, под обёртку которой незаметно вложена записка с признанием в любви, – передай маме. Только обязательно, слышишь? Обязательно. Я тебе машинку подарю. Красную, с большим кузовом. После...

– Хорошо, – тот берёт и уходит, теперь уже не так быстро, но всё-таки не оглядываясь.

«Как бы не съел... – думает Леонид, – ребёнок глупый, первый класс. Сейчас такие дети...»

Но мальчик всё отдал, сделал, как уговаривались. Линозов это понял сразу, на другой день, как только встретился с Витой взглядом на педсовете. Она напряжённо сжала губы и отвернулась, а щёки, вспыхнув, всё горели, словно костры надежды, разведённые на островах моряками, потерпевшими крушение. Так Леонид узнал, что его чувство ответно. Это в корне меняло дело. В тот же момент школа погрузилась в густое полотно тумана, над предметами проявился едва заметный золотистый нимб, а некоторые люди и вовсе растворились. Последнее, что он помнил, – это долгий мелкий дождь и автобусную остановку, на которой они встретились якобы случайно, но ведь случайностей в жизни не бывает. Под крышей, затёкшей какой-то дрянью, будто небо накладывало макияж, и теперь его старательно смывало дождём, Вита тут же заявила, что всё это дурь. Она – не девочка для игр, пусть не мнит о себе невесть что. Леонид смотрел на её колготки в рубчик, забрызганные грязью, на ботинки армейского типа с толстыми шнурками и думал, до чего же она некрасива и смешна. С тяжёлым портфелем, заполненным тетрадками, добирается до дома. А потом опять в школу. Вот и всё. Вся жизнь. Красной ручкой подчёркивать чужие ошибки. Сейчас такой ошибкой стал он – а ведь не навязывался, ничего не хотел, просто сообщил о своих чувствах (такая вот прихоть) и оставил при этом втайне главное: здесь не баловство, всё очень-очень серьёзно. Любовь подобна звезде: вдруг падает с неба, кто поймал, тот обрёл счастье на несколько мгновений. Линозов был ещё и романтиком: он считал, что чувство надо беречь, несмотря ни на что, ни на какие внешние обстоятельства, а не растаптывать грубо и вульгарно, как это делала Вита. Он хотел, чтобы счастливое мгновение стало вечностью.

– О чём вы? – бесстрастно сказал Линозов. – Шоколадку передал просто так. Порадовать думал.

Такого поворота Вита Степановна явно не ожидала. По её сценарию он, видимо, должен был упасть на колени и целовать асфальт, хранящий отпечатки её ботинок. Побороться ещё, а потом...

Не прощаясь, Линозов шагнул в дождь. В самую гущу холодного осеннего ливня. Вокруг колыхались тёмные ветви деревьев, а тусклый фонарь напоминал череп, насаженный на длинный кол.

Ещё через два месяца, дождавшись зимних каникул, он уволился из школы и стал работать свободным экскурсоводом; из свободного – незаметно перевёлся в «лицензионного», а из вечной молодости – в старость-не-радость. Потом Данила встретился с ним много лет спустя, на экскурсии. Тогда-то они и стали друзьями.

– Кстати, ты помнишь, как я маме твоей шоколадку передал? – спросил как-то раз Линозов.

– Помню. Могли бы и сами подарить...

– Мог бы, да. Так не оригинально совсем! Вот в чём дело. Мы ищем лёгких путей. Во всём и всегда... Попроше, полегче... а надо... – Леонид Николаевич говорил ещё долго, а Даниле тем временем вспомнился тот день, когда он принёс домой шоколадку.

Мама с покорным равнодушием взяла, почти не удивившись: «От учителя, ага...» Затем прошла на кухню, там развернула. Вкус, видимо, ей совсем не понравился. Она вскрикнула и, хлопнув дверью, метнулась в комнату, где Данила продолжал разбирать портфель.

– Иди сюда! Ты что принёс?!

Невкусная шоколадка лежала в хрустальной салатнице в центре стола. А на другой день – и это не померещилось – мама крошила её на пол и топтала, вдавливая то одной ногой, то другой. Вечером его наказали и не разрешили идти гулять с друзьями. Скорее всего, это было связано всё с той же дурацкой шоколадкой, но на всякий случай Данила уточнять не стал – меньше вопросов, меньше проблем. Случай вполне укладывался в повседневную жизнь и череду невзятий.

– Я искал более изысканного пути, чтобы поздравить с Восьмым марта твою маму, только и всего, – завершил свою речь дядя Лёня. Его сухое лицо, тронутое морщинами, было печальным и одновременно одухотворённым.

– Да понял я...

Уже тогда, при первой встрече в коридоре школы, невозможно было не почувствовать душевное тепло и доброту учителя. Просто так, без всяких даже слов! А как деликатно он после ни о чём не спрашивал! Но больше всего Данилу поразила способность говорить и рассуждать. Леонид Николаевич ни на чём не настаивал и не заставлял – он всего лишь говорил, искренне, от чистого сердца, выдерживая необходимые паузы. Правда, обещанную машинку так и не подарил. Но это ведь и не важно...

ГЛАВА 5

Линозов негодует

В пекарне пахло тёплым хлебом и только что испечёнными блинчиками. Всё было таким вкусным – совсем как тогда, в советские времена! И докторская колбаса ярко-розового цвета с белыми горошинками душистого жира, и супергустая сметана: ложку воткнёшь – не упадёт. Линозов уплетал эту сметану с блинами и запивал брусничным морсом, а вокруг сидели личности криминального типа: мужик с бородой-лопатой, какая-то женщина и дети – все с телефонами, погружённые в свои личные тайные миры. За крайним столом устроился серый кот в сапогах и шляпе со вдетым пером страуса – и тоже уткнулся в телефон. «С ума сошли, – подумал Линозов, – глядят в экраны как ненормальные». Сам он из принципа не покупал смартфон, а потому не мог сейчас позвонить Даниле и поинтересоваться, что случилось. Для этого нужно было как минимум вернуться домой и покрутить диск стационарного телефона.

Но домой возвращаться не хотелось, слишком неприбрано там было и холодно. Свет через стекло, залепленное всякой грязью, пробивался едва-едва, а на полу лежали стопки книг, страницы которых таили пятна разлитого некогда кофе. Уж куда как приятнее заходить в квартиру, когда темно. Да и Поллета, ещё не вышедшего из зимней спячки, лишний раз не тревожить скрипом двери.

Из домашних животных Линозов держал Поллета – древнего австралийского червя, который обитал в литровой банке и жрал капустные листья. Купил когда-то на рынке: привлекло то, что червь не умеет разговаривать и не издаёт никаких звуков, а значит, не помешает чтению и научным изысканиям. В отличие от аквариумных рыбок – он был менее прихотлив в уходе, а в отличие, скажем, от пуделя или чихуахуа – его не нужно было расчёсывать и водить на прогулку, ну и, наконец, этот зверь был действительно древним и солидным: продавец выдал паспорт с указанием возраста и родословной. По всему выходило, что червь обитал в Австралии, когда славяне ещё ходили в шкурах, сочиняли священные руны и поклонялись Перуну. «Я не какой-нибудь там Тирольский, – подумал тогда Линозов, – пусть моя каморка и мала, но зато домашние питомцы уж наверняка древнее, а значит, лучше».

Расплатившись за блинчики, Линозов вздохнул про Данилу. Так и не пришёл! Ну, загулял парень. А и правда – последнее время он какой-то странный, с лихорадочным пристальным взглядом и расчёсанными волосами. Отвечает невпопад. Так, будто думает о чём-то совсем другом. И где тот тихий совестливый мальчик с ясными чистыми глазами и доброй улыбкой? Линозов предполагал, что Данила влюбился, но от этого ему было большее вдвойне: с ним не делились и совета в таком важном деле не спрашивали. Ну разве так можно?!

Проводить время в ожидании Данилы уже не было возможности – скоро должна была начаться экскурсия, и Леонид Николаевич двинулся в сторону центральной улицы, к памятнику Ленину, возле которого его уже поджидала группа, несколько человек. С неудовольствием он отметил недалёких посетителей той самой пекарни: вот и мужик с бородой-лопатой, и женщина, и подростки, и кот в сапогах.

– Гхм, где-то мы с вами виделись, – попробовал пошутить Линозов, но группа осталась безучастной. Видимо, в пекарне его просто не заметили. – Так. Прошу убрать смартфоны. Во время экскурсии ими пользоваться нельзя!

– Позвольте, – оживилась женщина, – а я хотела фотографировать. Фотографировать на телефон можно?

– За отдельную доплату. От всех этих вспышек стены зданий ветшают.

– А, ну тогда не буду, – согласилась женщина, затолкала телефон в узкий розовый футлярчик и сразу загрустила.

– Ещё вопросы есть?

– А долго будет экскурсия? – протаптываясь, спросили подростки, и Линозов понял, что их отправили родители, а по доброй воле – сидели бы в пекарне они и дальше, уткнувшись в свои электронные устройства.

– Несколько часов, – сказал Леонид Николаевич, хоть и собирался улечься в два часа. Лица детей сразу стали пасмурными. Теперь, для полного комплекта, осталось чем-нибудь расстроить богородатого мужика и кота, но кот неведомо куда исчез, а мужик и так был вроде бы печален. Его лицо словно бы хранило отпечаток мировой скорби.

– Ну, приступим! – решил Линозов.

И чудо началось! Подростки, раскрыв рот, забыли про время, а женщина про телефон. Вновь появился кот. Слетелись на провода стайки воробьёв, которых Линозов зимой всегда подкармливал. Из коробки «Молоко» он даже соорудил кормушку и повесил на тополь возле библиотеки.

Секрет экскурсии Леонида Николаевича, пожалуй, заключался в том, что это была история города – и одновременно его собственная, личная история, проступающая сквозь вековые камни неровным почерком. Вроде бы всё мелочи, бытовые частности, но именно они создавали ощущение доверительной беседы за чашечкой чая. При этом Линозов не заслонял собой исторические сюжеты, но, скорее, расширял и дополнял их.

От типичного памятника Ленину на центральной площади маршрут лежал к величественному собору Благовещения, недавно восстановленному, с золотыми куполами на стройных башенках, затем – к купеческому особняку – нарядному дореволюционному зданию с дорическими колоннами, балконом в форме парусной лодки и причудливой лепниной под окнами. Так сложилось, что остальные старинные постройки не сохранились: одни снесли, когда расширяли дорогу, другие сгорели во время пожара, третьи совсем обветшали и на их месте построили стеклобетонную коробку. В особняке же в советский период располагался Дворец культуры, в парадном зале звучали правильные речи, а по коридорам ходили пионеры. Потом, когда времена сменились и всё разворовали, помещения стали арендовать разные частные организации – спортивный клуб «Берёзка» на первом этаже, какая-то то ли певческая, то ли танцевальная студия – Линозов толком не разобрался – в зале второго этажа; склад всякой рухляди на чердаке и бардак (а по-другому его не назовёшь) в подвальном помещении, куда заходили молчаливые неформалы в тёмных одеждах. Их лица, густо накрашенные, были подобны театральным маскам. Для любителей теории заговора также находился уголок – в фойе, на входе, продавалась разная неофициальная литература, посвящённая концу света, масонским козням, достижениям советского периода, преступлениям деятелей современности, а также вариантам неизбежного возмездия. Здесь же, в особняке, проходили музыкальные концерты и обсуждения стратегий народной борьбы. Мнения разделялись. Кто-то говорил, что необходим переворот, другие – что надо купить домик с земельным участком и уехать в деревню. Спасение там.

Словом, особняк, подобный городу или даже миру в миниатюре, вмещал самые разные формы общественной активности, и жил он не только днём, но и ночью, когда под окнами собирались молодёжные компании, а по опустевшим тёмным комнатам начинали бродить призраки. Несколько случаев реальных встреч с привидениями, свидетелем которых он был сам, Линозову поведал охранник дядя Толя. Кроме того, происходили и другие таинственные явления, которые дядя Толя просил пока не разглашать. Например, на стене в одной из дальних комнат каждую пятницу проступало кровавое пятно. Сначала уборщица оттирала его специальным средством с хлоркой, закрашивала, заклеивала обоями, пыталась повесить картиной, но оно сквозь стену проступало и на картину. Потом, утомившись, предложила закрыть это место картиной, выполненной кистью художника-абстракциониста. Квадраты, кубы, зигзаги и прочие фигурные излишества делали бы наличие кровавого пятна вполне оправданным и легальным.

Идея понравилась директору особняка, человеку незаметному, но очень влиятельному. Всё, за что он брался, он делал с размахом, а потому вместо одной картины повесил сразу десять и заодно учредил премию. Так появился «Выставочный зал современного искусства» и премия «Квадрат».

В тени берёз, что росли подле особняка, было принято признаваться в любви и устраивать первые свидания. Сюда стягивались туристы, бандиты, поэты и сумасшедшие, герои, меценаты, мотоциклисты, благонравные тётушки и обманщики всех мастей. Здесь же, казалось, вечно маячила тень

отца Гамлета, а также рваные мачты давно затонувших кораблей. И, конечно, именно сюда в первую очередь приводил экскурсантов Линозов.

Сначала он рассказывал про лепнину вокруг окон. Эту тему Леонид Николаевич очень любил и мог говорить часами. Древнегреческие сюжеты затейливо переплетались с древнерусскими, и вот уже над поверженной Троей парит птица-Сирин, а Илья Муромец, привстав на коне, провожает взглядом отплывающего Одиссея. Фигурки были вырезаны мастерски, с ювелирной точностью, это давало хороший повод представить историю архитектуры в целом: когда появились первые каменные здания, какие существуют типы украшений, как сложились судьбы легендарных мастеров.

Затем он мимоходом упоминал историю самого особняка: построил его некий купец Былинкин, внук крепостного крестьянина Милетия Быкова. Про Милетия вообще ничего не известно.

– Вы представляете! – негодовал Линозов, – каково было отношение к народу! Бедному, гонимому! Увы, увы, мало что меняется. Крестьянин. Конечно. Не принято было про него мемуары писать. Вот так! Был бы он аристократом – то извольте. И портрет бы нарисовали, и всё такое. Плохо жил Милетий, хоть и выкупился. Лишь благодаря собственному труду и жил. Несгибаемой воли человек! Борец! Хоть и безмолвный, скромный. Свою тягу к труду он передал детям. И вот уже они, бедные дети, боролись с нищетой. С вечной нищетой русской деревни. Почитайте Бунина «Суходол», не поленись. Вам станет страшно. Так вот. Боролись. И так здорово это у них получалось, что... адью! Bravo! Уже внук соорудил этот замечательный особняк. И жил в нём со своей семьёй, женой, детьми и прислугой. Буржум стал, скажете? Ну, не судите строго. Произведение искусства всё-таки создал. Да и, в целом, не скупился, надо сказать. Школам помогал. Считал, что все, даже девочки, должны иметь возможность получить образование. Вот как он считал, да. А сегодняшние, современные девочки могут учиться, да занимаются всякой ерундой. Вместо учёбы, гхм, в интернетах сидят. А тогда девочки хотели учиться, но не могли. Былинкин первый, на свои средства, открыл приходскую школу для девочек из бедных семей. Ещё он сделал освещение. На центральной улице фонари поставил. Ещё он построил больницу и открыл первую публичную библиотеку. На месте могилы Былинкина сейчас футбольное поле. Вот сразу за храмом, мы ещё посмотрим это место. Судьба детей. Два старших сына погибли в гражданскую войну, младший, ему шестнадцать было, – умер от голода. Про дочь Таисию, или Тасю, как звали её в детстве, ничего не известно... Словом, нет сейчас потомков Былинкина. Нету. Зато всякие Тирольские корчат из себя новую элиту. Тьфу! Псевдозелита поганая... А ещё в этом доме проживал замечательный советский поэт Василий Суслов. Поэтому особняк в народе называют «дом Суслова».

Вот вроде и все сведения, которые преподносил Леонид Николаевич про бывшего владельца особняка. Без особых сенсаций, зато с чувством.

От «дома Суслова» группа направлялась к собору. По традиции, в центре стадиона участники экскурсии делали общее фото: здесь можно было подобрать такой ракурс, что виднелись и золотые купола собора, и фасад особняка. Затем заходили внутрь. В советское время в храме располагалась овощная база, это и сохранило памятник архитектуры от уничтожения. Взрывать не стали, хотя такой проект разрабатывался: дело в том, что на стадионе проходили общегородские соревнования и назревала острая необходимость расширить пространство. Для овощей предполагалось построить отдельные помещения.

– Но как у нас это обычно бывает, – вздыхал Линозов, – сначала разработали макет, потом долго согласовывали. Потом копали фундамент нового здания. А потом... Всё развалилось. Достроить не успели. И деревня уже не поставляла овощи в таком количестве. И храм стал действующим. Видите, как бывает. Жаль, конечно, что соскоблили древние фрески со стены. Я – человек верующий, скажу вам честно. А потому все эти действия считаю возмутительными. Мы же люди культурные, образованные... Зато... Зато сохранились стены собора. Аутентичные, как сейчас говорят. Это вам не Москва, в которой взорвали Храм Христа Спасителя, а теперь построили пафосную громаду, гимн официозу. Вообще, в современном мире всё как-то бездушно, с отпечатком холодного великолепия и пустоты. То ли дело раньше. Первый человек в космос полетел. Как же это здорово!

– Н-да, сегодня не хватает романтики, согласен... – подтвердил мужик с бородой. – Такая тоска вокруг. Зелёная!

Много чего ещё говорил Линозов, о свободе, справедливости и патриотизме, о громогласном поэте Василии Суслове, про памятник Ленину, Благовещенский собор и прочие достопримечательности.

И конечно, про особняк. Здание, которое напоминало мощную планету, вокруг которой кружили остальные дома, улицы, памятники. Другие города, страны и галактики. Туманы, дожди, потоки солнечных лучей и ветер.

ГЛАВА 6

По ту сторону ветра. 1922-й

Вспоминались разрозненные отрывки, лёгкой рябью по реке. Фиолетовая сирень в палисаднике, прохладный запах свежей вербы. Расписной конь на колёсах и сумеречный стих: пляс зажжённой свечки, скрип санок, задорный лай собак и что-то ещё тёплое, солнечное; лёгкое, как снежинки на рукавичке. Дунуть – полетят. Светлым кружевом под небеса. Её кто-то подхватывал и сажал на колени.

А потом, вскоре, она почему-то оказалась в низкой полутёмной избе.

Чёрные скаты крыш над снегом, косые ветви синеватых ёлок. Сколько бы она ни всматривалась в крохотное оконце, в оттаявший среди белых узоров на стекле ледяной глазок, ничего другого увидеть не получалось. Метель покрывала мир. Метель гуляла вволю, день-ночь, день-ночь... Будто маятник разбуженных часов.

Наташа была в валенках и шерстяном платке поверх тёплой одежды, но всё равно замёрзла. Сквозило из всех щелей. Печь давно потухла и стала холодной, а мама, неподвижно свесив руку, лежала на скамье. Не отвечала, не вставала. Ничего не спрашивала. Только в углу, под столом, деловито сновала чёрная страшная тень, мелкая, вертлявая. Потом тень стала больше и ещё больше. Раздулась, зашипела. Наташа отскочила, побежала, закрыв глаза, скорей бы хоть куда, вон к той, к дальней стене, но, запнувшись, упала, и скользкий холод полоснул лицо. Тянул, вбирал в себя, мучительно прилип... И вдруг опал, под крики, топот, голоса. Скрылся. Обессилев, Наташа не могла кричать и плакать, но разом стало тихо и привольно, как будто на большом лугу, среди густых весенних трав.

* * *

– Успели! – приговаривал мужчина, отмеряя шагами комнату, – и всё же, всё же... не успели...

Доски пола скрипели и шатались. Шатались створки шкафа и посуда, две чашки, блюдце, банки на столе. Маятник проник во всё. Туда-сюда, туда-сюда.

– Афоня, ну чего казнишь себя! – пыталась успокоить брата женщина, – мы не могли скорей. Метель, ишь, разгулялась. Ребёнок чуть не умер...

– Так что теперь?

– Как что! – тут она развязала узелок и положила на блюдце неровный ломоть хлеба, чёрный от разных добавок и смесей, поскольку мука давно закончилась. – Печь затопи. Вот что. Попа зови. Поди, все спят уже... Ты бывший староста, тебе всё можно. А девочку себе возьмём.

– Че-го?! – он разом остановился. – С ума сошла, Феня?! Придумала...

– Дочкой станет.

– Ты знаешь, чья она дочка?!

– Я знаю. Ты знаешь. А больше никто и не узнает... Никогда. Мала совсем. Священник пусть молчит, скажи ему... И пригрози. Настоящая будет дочка.

– Не хочу я никаких дочек! – сопротивлялся Афанасий Иванович.

Но Аграфена Ивановна прекрасно знала: это только пока так. Супругу Нину, умершую от тифа в год начала гражданской войны, не воротить, так хоть дочка будет, подрастёт, порадует... Внуки пойдут. По хозяйству опять же подмога. Пирожков напечёт, песню споёт. Не вечно же ей рядом быть! Тайно, пока ещё никого не предупреждая, Аграфена хотела уйти в странничество, посмотреть, как на Руси живут, что люди говорят. Добраться до южного моря и, скинув все одежды, упасть в косматую волну. Вцепившись в пенную гриву, поскакать над миром, веселясь и хохоча. В солёных искрах и солнечных лучах. Такую идею точно никто бы не одобрил, вот Аграфена и молчала. Только сухарики откладывала в мешок.

– Я, может, женюсь ещё! – возмутился Афанасий. – Так что не придумывай.

– Ну, дак, жена поможет нянчить... – покорно согласилась Аграфена, хоть и не верила в возможность брака: не те женщины сегодня пошли, чтобы дома с ребятишками сидеть или мужа ублажать. Она бы и сама не согласилась.

– И время голодное сейчас, – чуть мягче протянул Афанасий, – самым есть нечего... Так что...
– Маленькие девочки много не едят, – закончила беседу Аграфена, – нянчить помогу. А после, как подрастёт, она тебя уж нянчить станет. Вот так. Ступай к бывшему храму, я пока приберу... Тася, бедная Тася... – и, всхлипнув, потёрла глаза.

В тот свет и Божий мир они не верили, но необходимость некоторых обрядов признавали. Всю жизнь Афанасий был старостой Благовещенского собора, а она горделиво снимала свечи с самого главного, центрального, подсвечника. От этой деятельности она бы и сейчас не отказалась: ей нравилось ощущать на пальцах горячий талый воск, наводить стройность, следить за порядком во время богослужения. Свечи она тыкала не просто так, как некоторые неразумные свещницы, но исходя из толщины, оттенка, высоты, гибкости, выстраивала чудесными фигурными рядами. Сейчас-то в соборе всё уже не так. Пусто и холодно. Впрочем, что грустить. Молитвы она и раньше не слышала, высокое слово, преодолевая путь к сердцу, становилось пыльным, мохнатым, с изменённым смыслом и неясным звуковым очертанием, а потому ей было даже приятно проветрить душу и больше не загромождать её ничем лишним.

Необходимость же добрых дел никто не отменял: это и привлекло её в революционном движении. Бедных накормить, бездомным дать кров, неграмотным – образование, а всех богатых лишить имущества. Чётко и справедливо. Единственное, было обидно за купца Былинкина, тут как-то не разобрались, допустили ошибку. Аграфена знала, что для города он сделал очень много: ту же школу построил, где она бесплатно училась семь лет. Как-то раз он пригласил в гимназию Петроградскую театральную труппу, и на драматической постановке «Царь Гвидон» она впервые увидела синее море, вышитое на ковре-декорации. Тогда и поняла, что родному городу не хватает хоть какой-нибудь реки. Большой или малой. Был пруд, опять же, барский... В воде резвились стайки рыб и важно плавал лебедь. Возле своего дома-особняка Былинкин разбил небольшой сквер с фонтанами, по которому можно было гулять всем желающим, там она и познакомилась однажды с Тасей, младшей дочкой хозяина. В кисейном платье и белой шляпке, Тася обернулась и, робко улыбнувшись, протянула ей горсть фундука. Берёзы отбрасывали продолговатые ровные тени так, что почва казалась ребристой. Тёплый майский ветер теребил листву. К ним подошла пожилая женщина с высокой причёской, спросила, как зовут, и сказала Фене, чтобы она приходила поиграть, все вместе они будут бросать мяч, а после, в беседке, читают книги.

Так девочки и подружились. Аграфена стала бывать в гостях в том самом доме, который спустя каких-то десять лет станет государственным. Сначала в нём сделают ряд коммунальных квартир, но Былинкин, погибший при взрыве на железнодорожной станции, ничего этого не застанет. Вот его дети станут истинно былинками, носимыми в поле. Младший сын умрёт от голода в своих бывших владениях, в коммунальном углу, а Тася, Тасечка... теперь вот...

Не сдерживая слёз, Аграфена зарыдала в голос и тяжело опустилась на лавку. Как-то всё неправильно это было, несправедливо; при этом она понимала: значит, так должно быть. Не получается по-другому. Это сначала страдают и погибают хорошие люди, а после наступит счастье для всех. Такое прочное счастье, что ничто уже его не поколеблет.

– Малютку мы себе возьмём, не бросим, ты не переживай, – говорила Аграфена покойнице, – вырастим... Афанасий упрямится, но это он только так, на словах. Нет, ты не подумай. Человек он жалостливый, привыкнет, полюбит...

Так всё и случилось. Наташа стала жить в доме Петровых как своя, как родная дочка. Она знала, что мама её умерла от болезни сердца, это соответствовало тусклым воспоминаниям, неясно проступающим сквозь завесу, словно сквозь плотную листву. Как хорошо, что отец успел в тот страшный вечер вернуться из дальней поездки! Иначе её бы съели крысы...

И только два момента неуловимо берегли память о чём-то ином: впечатление, которое она не смогла бы выразить словом, подобное тихой песне, будто где-то слышанной, но не в семье Петровых. Может быть, то пели ангелы? Или птицы райские? Аграфена, любившая всё народное, рассказывала ей в детстве перед сном про южный остров, где живут птицы с печальными головами влюблённых женщин. Порхают по деревьям и поют. Одна из них на Руси обосновалась, хоть и тяжело ей, лапки мёрзнут зимой без сапог.

Второе – это старинные вещицы, которые, как туманно пояснял отец: «Её главное наследство, по праву ей принадлежат. От каких-то далёких родственников-предков, их имена уж подзабыли. Родовое, в общем». Зная склонность дочери, он строго добавлял: «Так что не вздумай кому-то подарить».

Аграфена загадочно молчала. И ничего не говорила. Не вспоминала, как оглядела тогда жилище Таисии Васильевны, присматривая, что бы взять на память для Наташи. Но комната была почти пустой. Порывшись в серванте, Аграфена не нашла ни писем, ни фотокарточек. Памятуя судьбу родственников, Тася больше всего боялась обыска и, видимо, куда-то надёжно всё попрятала, если не уничтожила совсем. К счастью, на дне одной чашки обнаружился медальон с фотографией молодого Былинкина – этот медальон, а также саму чашку Аграфена бережно убрала в холщовый мешочек. Ещё она взяла настенные часы с маятником. Дважды в сутки, в тот момент, когда стрелки приближались к двенадцати и к шести, створки часов распахивались и на пружине вылетала птичка, хлопала крыльями, вертела головкой, а затем, звонко чирикнув, водворялась обратно. Дверцы закрывались, и наступала тишина, вроде бы такая же, как была раньше, но при этом другая, непохожая. Потому что не существует минут-близнецов и время вспять не ходит.

ГЛАВА 7

При чём здесь солнце

Данила не выступал против искусства. Просто он считал, что пока ещё рано. Как можно писать картины или сочинять музыку, расслабляя красотой души обывателей, если в городе хозяйничает Тролль? Мерзкий оборотень. Он и к новейшей культуре лапу приложил – пришёл, видите ли, в особняк на открытие зала современного искусства и дал пространное интервью о своей жизни. Он-то тут при чём?! Потом оказалось: «при чём», да ещё как. Меценат грёбаный. Золочёные рамки для картин купил.

Любимый цвет Тролля, как все уже догадались, – золотой. Золочёные рамки, золотые купола, золотые таблички и дипломы. Одна из таких табличек висит возле Благовещенского собора. На ней выведена надпись: «Храм сей помог вернуть к былому благолепию труженик и благодетель Анатолий Тирольский». Прочитав это впервые, Данила почувствовал – бесповоротно и точно, а не так, как слепец нащупывает бордюр – ту самую сокровенную грань, за которой кончаются всякие слова и начинается чистое дело исполненных энергий. Своим пафосом простая табличка качнула чашу весов от жизни к смерти, от прозябания и тухлого застоя к переменам, к воскресению. Так казалось.

Заполнять собой город Тролль стал не сразу, но постепенно. Подобным образом мазут, просочившись из баллона, если его вовремя не перекрыть, ползёт по улицам всё дальше и дальше, оставляя за собой чёрный ядовитый хвост.

Сначала, в раннем детстве Данилы, Тирольский присутствовал где-то далеко: на глянцевах обложках журнала и телеэкране; в то время он встречался с девушкой и считал необходимым информировать общество о деталях своей личной жизни. Обставил всё самым романтическим образом. Каждый знал, что будущая супруга Тирольского, Полли, работала простой официанткой в какой-то забегаловке у трассы – таких много на просторах России. Жила она там же, рядом с магазинами и рынком, в деревянном домике, который сотрясался, когда мимо на полной скорости мчались фуры. И вот однажды её встретил Тролль. Так сложилось, что его автомобиль сломался, и, пока мастер рылся в запчастях, он зашёл выпить кофе и там, за стойкой, увидел её. Полли вовсе не была красавицей, толстая, с отёкшим и красным от вечного недосыпа лицом, с болезненно-затруднённым дыханием и тяжёлым взглядом: она злоупотребляла алкоголем и по своему складу была человеком мрачным и депрессивным. Но Тролль сразу понял – «она, она самая», ну, а всё остальное, внешность и привычки, можно изменить. И оказался прав. Весь город стал увлечённо наблюдать, как стремительно менялась Полли. Она села на диету, занялась спортом и похудела. Сделала несколько пластических операций. Кроме того, Тролль купил для неё элегантные дорогие платья от самых лучших зарубежных производителей. С каждым днём Полли расцветала всё больше и больше, вокруг неё даже сформировался круг поклонников, которые внимательно следили за каждым шагом, приговаривая: «Давай, Полли, давай! Ты сможешь!» Вот только счастья не было в её глазах. Между тем, пара активно готовилась к браку, и в глянцевах журналах регулярно появлялись фотографии их совместного досуга. Вот Полли и Анатолий выгуливают в парке ручного тигра. Вот они возле мерцающего камина, укрывшись клетчатой пледом, зимним вечером читают томик стихов Пушкина. Вот – катаются на велосипеде и плещутся, словно малые дети, в бассейне.

Наконец, день свадьбы наступил. Всё происходило красиво и пафосно, в худших традициях новой элиты: тут тебе и тысяча гостей, и пачка денег, брошенная с балкона нищей челяди, скучающим горожа-

нам, которые тут же (позор, позор!) рабски бросились поднимать и разглаживать смятые зелёные купюры. Цыгане, певцы в блестящих костюмах и начищенных ботинках, кривляющиеся перед микрофоном и пытающиеся отсутствием голоса заменить мимикой, активной жестикуляцией и прочими выкрутасами. Тут и реки шампанского, и салют во всё небо, и процессия автомобилей, пышно увитых цветами. За всеми этими новостями следила Вита Степановна, мама Данилы, она специально покупала журналы, чтобы узнать, как обстоят дела у Полли, бедной золушки, в один миг ставшей принцессой. Иногда эти публикации попадалась Даниле. Он, листая издание, удивлялся чужому успеху и благополучию, но особого значения не придавал: слишком уж далёкой была та жизнь и, если честно, малоинтересной. Только однажды он заметил, что у Полли какая-то вымученная, скучная улыбка, будто она позирует через силу, на самом же деле ей не интересно и хочется чего-то совсем другого.

– Не нравится ей этот Тирольский, вот что... – сказал Данила.

– Да что ты понимаешь в жизни! – мама вырвала журнал. – Хватит уже время тратить, чужие фото разглядывать. Иди, учи уроки. А Полли просто утомилась. У неё был напряжённый день. Как может Анатолий Николаевич не нравиться, скажешь тоже...

– Вполне может не нравиться, – пробурчал Данила, – чего он такой... Как павлин. Весь из себя.

Подумав, мама сказала:

– Он успешный, он сделал из Полли человека. Может быть, он не столь романтичен, как Аллен Делон к примеру, но у него много денег.

– И что, ну-у...

– А то! Баранки гну. Рано тебе ещё журналы листать. Лучше бы в «Берёзку» записался, спортом занялся.

Хотя это и был стандартный, самый обычный ответ – чуть что, мама указывала на необходимость учить уроки и заниматься спортом: тем самым, видимо, она старалась воспитать и наставить на путь истинный. Но в этот раз Данила почувствовал особое раздражение и неприязнь к этому счастливому богатому человеку из журнала, которым все почему-то обязаны были восхищаться. Ему даже захотелось, чтобы Полли не любила Тирольского по-настоящему, чтобы у них случился какой-нибудь разлад и крушение. Тогда бы, возможно, мама поняла, что ошибалась и что не настолько уж прекрасен он, этот Тирольский, особенно, если сравнить его глянцевые успехи и достижения самого Данилы, который недавно занял первое место на олимпиаде по химии. Награждение состоялось в торжественной обстановке, в концертном зале особняка, сам губернатор вручил ему медаль и грамоту, а учитель химии во всеулышание объявил, что у него, Данилы, «выдающиеся способности и большое будущее». Правда, в журналах об этом не печатали...

– Ну, поздравляю. Медаль – это неплохо, но вот в способностях сомневаюсь. А в большом будущем и подавно. Победа на олимпиаде? Просто повезло, – небрежно заметила мама. По её словам, когда он вырастет, то может спиться, как отец. Есть такая опасность: стать алкоголиком, а то и экзом.

Впервые слово «экз» Данила услышал ещё в раннем детстве и сразу спросил, что это такое.

– Давай ты не будешь спрашивать лишнего! – возмутилась мама. – Всё, видите ли, ему знать надо, пронира какой! Пойдёшь в школу, там расскажут.

Позже, вечером, когда у неё было хорошее настроение и она, напевая песенку, пересаживала цветы, всё же пояснила:

– Эк – это человек, который сидит за решёткой. За убийство там или за воровство. И ты, если будешь плохо себя вести, не слушаться маму – станешь экзом. Тогда поймёшь, что это такое.

– За решёткой?!

– Ну да. Куда хочешь, уже не пойдёшь. То же самое касается питания. Есть будешь то, что принесут. А не то, что хочется!

– А игрушки? Там будут игрушки?

– Игрушек не будет. Что за балаган! Всё, разговор окончен, мне некогда. Ну, весь в отца...

Отец, наверное, мог бы рассказать подробнее, но он был далеко. Вечный путник по своей натуре, он редко оставался дома больше чем на два-три дня подряд. Каждый его приезд происходил по одному и тому же сценарию: первый день – всеобщее счастье и ликование; окрылённая мама, торт на столе, вкусный чай, смех и шутки до ночи. Второй день, ближе к вечеру, какая-нибудь громкая ссора. Мама рыдает, на полу битая посуда. День третий: напряжённая, почти могильная, тишина. Остатки торта, сладкие крошки на блюде, которые можно собирать пальцем и отправлять в рот... Холодный чай. Мама

молчит и смотрит в окно. Отец сосредоточенно шнурует ботинки. На прощание целует детей, его и Дашку: кратко чмокает в щёку, прижав к себе, к своему свитеру, пропахшему табаком. Вдыхает. Закидывает на плечо рюкзак. Хлопает дверь. Всё! Дай бог, через месяц-два, а то и через полгода заглянет вновь.

Почему мать называла отца алкоголиком, Данила не понимал: пьяным его никогда не видели. Кто он вообще такой? Куда исчезает и чем живёт? Эти вопросы волновали настолько, что иногда, вскрикивая, маленький Данила просыпался среди ночи и смотрел, не моргая, в густую и пустую темноту комнаты. Постепенно темнота серела, расходилась, опадала складками, и где-то в глубине, в бледном свечении, проступал призрак отца, его фигура, одиноко застывшая посреди дороги, за косыми штрихами то ли решётки, то ли дождя. Нужно было непременно разобраться, ведь где-то, в какой-то тайной, неуловимой, но подлинной точке-пересечении заканчивался отец и начинался он, Данила, – но удобного случая не представлялось. Тревожить и расстраивать лишними расспросами маму не хотелось, а потому он решил, что поговорит с отцом сам, в один из его приездов. И всё, обязательно всё разузнает. Но, как только он это задумал, отец пропал и вовсе перестал их навещать. Год, два... Десять лет... Навсегда.

Сначала Данила ждал упорно, жадно, с горячим трепетом и мукой, знакомой лишь одиноким детям. Каждое утро он просыпался с надеждой на встречу, а по вечерам, перед сном, смотрел в окно, на пустынную улицу, по краям которой росли лишь чахлые кустики да косматые пучки невесёлых сорных цветов. Вдали, отбрасывая неровную тень, горел фонарь. Дальше начинались гаражи, сараи, пустырь и городская свалка.

Ему почему-то казалось, что мама тоже ждёт и переживает, хоть и скрывает это от всех, может быть, даже от себя самой. И журналы с публикациями о личном благополучии Тирольского и Полли – лишь небольшое развлечение, отвлекающий ход в страну иллюзий.

– А ты что думаешь о Тирольском? – на всякий случай спросил Данила сестру, десятилетнюю Дашку.

– Кто? – развернувшись в кресле, она удивлённо посмотрела.

На столе, как всегда, сиял тусклый экран компьютера, сестра была погружена не в игры, а в какие-то социальные сети, в бесконечные переписки с подругами.

Тогда Данила показал журнал и попросил оценить фотографию, где Тирольский и Полли выгуливают ручного тигра.

– Прикольнo, – сказала сестра, – чувак классный. И тигр у него в полосочку. Но всё же не в моём вкусе. Мне больше волшебники нравятся. А он даже летать не умеет, судя по всему. Сомневаюсь, что он обладает хоть какими-то магическими способностями.

– Ты чего, Дашк, – поразился Данила, – какие ещё магические способности?!

– А такие, – улыбнулась она, – сейчас покажу, только маме не рассказывай. И пообещай мне, что смеяться не будешь...

Потом она достала из шкафа колпак, обклеенный серебристыми бумажными звёздами, и чёрную мантию, также усыпанную звёздами, каждая из которых была не пришита, но приколоты крохотной булавкой. Мгновенно переодевшись, она предстала перед ним в образе то ли прелестного мага, то ли заморской чаровницы. Её пышные, коротко стриженные волосы торчали из-под колпака во все стороны, а длинная, до пола, мантия, слегка сползала с одного плеча, приоткрывая пёструю домашнюю кофту. Наверное, так и было задумано.

«Фу-у, всё бумажное, не настоящее, ты что, не видишь этого?..» – хотел сказать Данила, но сдержался. Только вот улыбку погасить не смог. Тем более, Даша смотрела напряжённо, готовая проникнуть во все скрытые эмоции.

– Тебе не нравится! Ты ничего не понимаешь!!! – догадавшись, закричала она и затопала ногами. – И никто не понимает! Тогда как мне... подчиняются некоторые планеты! И люди! И звери...

– А погода?

– И погода! Пусть завтра будет дождь.

И правда, на следующий день пошёл дождь. Такое вот совпадение. Долго обижаться Даша не могла, а потому вскоре поделилась своим секретом: через интернет она познакомилась со сказочными инопланетными существами, которые когда-нибудь, возможно, заберут её с собой в чудесную страну Вечного Солнца. Там круглый год лето, все любят друг друга, звери умеют разговаривать, а люди – летать. Да, она понимает, что это какая-то сказка, что так не бывает. Но всё же другая реальность, так или иначе, существует, и в этом она уверена.

– Нестыковочка, – проговорил Данила, – сама же признала, что чепуха, что так не бывает. Но при этом уверена...

– Опять ты ничего не понял, – вздохнула Даша, – но я тебя всё равно люблю. Очень...

Она забралась на ручку кресла и, прижавшись, обняла его за плечи. Было слышно, как из кухонного крана звонко капает вода. Ток-ток-ток... Обречённо и бесконечно, кротко, беспечно...

Ну а Тирольский... Что Тирольский! В те годы он был слишком далеко и не опаснее вымышленного персонажа из дамского романа, но потом, когда Данила окончил школу и подружился с Линозовым, он стал стремительно расти, обретая плоть. Из гламурного и тщеславного прожигателя жизни превратился в хитрого, бесчеловечного Тролля. Самое страшное было здесь то, что облик благовоспитанного приятного человека сохранился, но под этой личиной скрывался дракон. Чудовище. Любое его доброе дело, разумеется, ради галочки и прилюдной похвалы, таило в себе катастрофу и распад. Его благотворительность, по мнению Данилы, источала смрад и требовала возмездия. Все эти бесчисленные золотые таблички скрывали гнилую основу, так же как искусственная блестящая коронка прикрывает испорченный зуб.

Леонид Николаевич рассказывал, что когда-то Тролля был самым обычным человеком и даже какое-то время учился с ним в одном классе. Точнее, похожим на обычного... Уже тогда он выделялся в коллективе: например, в его пенале хранились американские жвачки, которыми он угощал девочек, и те пищали от восторга.

Дальше – больше. В девяностые годы, в отличие от многих, он не растерялся, но, имея семейные связи, провернул ряд крупных дел, не без махинаций, конечно, в результате чего сказочно разбогател. Линозов поправлял свою кепку и грустно щурился, словно пытался разглядеть истоки всех событий, как прошлых, так и будущих.

– Прыткий, потому что везде успевал. А на самом деле у него нет даже высшего образования! Диплом он купил. Я точно знаю. Но недалёким девицам нравятся именно такие...

– Моя сестра ставила в упрёк Троллю, что тот не волшебник, – хмыкнул Данила. – Правда, давно это было.

– Да шарлатан он! Шарлатан! – вскричал Линозов. – Самый натуральный! Только всех и обманывает... С ранних лет мухлюет, видимость создаёт. Впереди планеты всей скачет. Тоже мне, объявился...

Кто возглавляет общество помощи одиноким пенсионерам? Кто выпускает школьную стенгазету и после уроков долго общается с учителями? Кто устраивает по вечерам концерты, играет на саксофоне? Он, он – и только он... Толечка Тирольский.

Каждый год ему вручали десяток похвальных грамот. Однако, рассказывал Линозов, от громкой саксофонной музыки у слушателей потом болели уши; а помощь пенсионерам оборачивалась лишь новыми печальями. Например, одна старушка, после того как «Толечка с командой» навёл порядок в её комнате – не могла найти очки, зимние рукавицы и сберкнижку.

Всё, за что бы тот ни брался, завершалось для всех какой-нибудь неприятностью, а для Тролля – очередным успехом. Девушка Полли, кстати, исчезла после свадьбы, почти сразу, как отзвучали праздничные фанфары. Никто не знал, что случилось: кто-то говорил про аварию и даже убийство, а кто-то, что она просто-напросто сбежала и вновь живёт в маленьком домике возле трассы, продаёт кофе, семечки и чебуреки.

Даниле очень нравилась вторая версия, и, если бы времени у него было побольше, он отправился бы искать Полли, обошёл бы все трактиры и забегаловки, все кафе и дешёвые столовые, не поленился бы! Лишь бы найти ответ на загадку. Или, в крайнем случае, хотя бы написал роман – продолжение истории золушки. Жизнь с принцем оказалась несладкой, всё чаще золушка грустила, вспоминала свою каморку и то лёгкое, беспечное время, когда она могла танцевать босиком с веником и швабрами.

Но времени не было совсем. Тем более, задерживаться, медлить было нельзя. Мазут растекается, но никто не хочет остановить его губительное движение. Только золотые таблички Тролля сверкают, развешанные по всему городу. Похвальные речи звучат. Ещё немного, и город задохнётся в золотой паутине; так нужно успеть её разорвать.

...Стараясь хоть как-то приглушить звучание Тролля, Данила выбросил все золотистые предметы из своей квартиры. К счастью, их было не так много: пара ёлочных украшений, шишка и стеклянный шар, а также серёжки Полины, своей девушки. Ух, и разозлилась она! Но сама виновата: Данила несколько раз просил убрать подальше эту гадость – золотое украшение, но она лишь смеялась, не

понимая, насколько всё серьёзно. Зато после того, как он исполнил сказанное, выбросил безделку – расплакалась и сразу поставила в упрёк, что-де свою золотую школьную медаль он не ликвидировал, если уж такой принципиальный. Это была правда. Медаль он лишь убрал на дно письменного стола, прикрыл бумагами. Но, чтобы слово не расходилось с делом, в тот же миг, на глазах Полины, он достал коробочку и, размахнувшись, швырнул в мусорное ведро.

– Давай, выноси на улицу! Кидай в бак... – приказал ей. – Выноси. Сама! Чтобы не сомневалась... Пойдём вместе. Пусть всё будет честно!

Однако полностью избавиться от золотого, а значит, от давления Тролля, не получалось. С недавних пор Данила стал ненавидеть солнце, безвольный плеск золотых лучей. Слишком тяжёлую и слишком пышную корону мира.

ГЛАВА 8

Светлый Луч

Это выглядит смешно, но перед самым выходом на дело Данила безумно проголодался. Его охватила дрожь, а в глазах потемнело. Пришлось задержаться на полчаса и срочно варить макароны. Пока закипала вода, Данила слопал целый пакет солёных крекеров.

Позади был сложный день и короткая тревожная ночь; заснуть он так и не смог, только ворочался. Теперь голова раскалывалась, словно внутри сумбурно двигалась какая-то лишняя деталь, всё не желающая встать на место. Постепенно её движение расшатывало и другие гайки, болтики, шурупы... Голова начинала распадаться, будто сломанный механизм; потом, в какой-то момент всё стягивалось в единую точку и боль на время стихала – только лишняя деталь, провисая, продолжала давить. Но это было терпимо. Жить можно. «Держи себя... Последний шаг... Ещё немного», – сдаваться Данила не собирался. Ему почему-то казалось, что, если сейчас он упустит этот шанс – второй такой не скоро представится. И чтобы отвлечься, он вновь и вновь прокручивал в мыслях прошедший день.

Что за идиотские совпадения! Ни раньше, ни позже! Дашка поругалась с мамой и сбежала из дому. Такое иногда случалось. Не часто, но всегда драматично.

Сначала он обошёл дворы, заглянул в знакомые подъезды. Пробежал этажи и залы в особняке на всякий случай. Сестры нигде не было. Конечно, маловероятно, чтобы она скучала на банкетке в коридоре или прогуливалась по залу современного искусства, среди пёстрых картин, изображающих какие-то разрозненные фрагменты мира – пятна, круги, спирали... Но всё же... Десятки раз набирал номер. Глухо. «Абонент недоступен», и только. И вот, отчаявшись, он сел в девятый автобус, чтобы ехать к дому.

Здесь, в этом старом пожелтевшем, словно осенний лист, глухо дребезжащем и подскакивающем на каждом повороте драндулете он и увидел Дашу. Она притаилась на первом сидении, отвернувшись к окну – но Данила сразу узнал её розовый шарфик, туго обмотанный вокруг воротника пальто. Некоторое время он просто стоял рядом и ждал. Даша не оглянулась. За окном проплывали промышленные строения, заборы, свалки – автобус выруливал к окраине, за которой, на возвышении, начинался дачный посёлок Светлый Луч, и вдали, среди тёмных сырых просторов, то здесь то там сквозили бледные огоньки невысоких домов. Светлый Луч, с горькой иронией подумал Данила – вовсе не светлый, состоящий из хилых полусгнивших дачек-сараев, богатых коттеджей, а также «зимнего дворца»...

На конечной остановке, перед мостом, Даша встала – и всё так же, механически, напряжённо глядя под ноги, вышла. Выскакивая следом, Данила окликнул. Не обернулась. Теперь, замерев возле светофора, она явно собиралась переходить на противоположную сторону, туда, где сверкали витрины «Ашана» и находилась остановка автобусов, следующих обратно в город.

– Ну и долго ты будешь кататься?! – помедлив, он зашёл чуть спереда.

Глаза Даши были закрыты, а из-под шапки к верхним карманам пальто, пульсируя, тянулись тёмные проводки наушников.

Теперь, припоминая эту сцену, Данила почувствовал в ней что-то inferнальное и даже мистическое. Сумерки. Белые хлопья апрельского снега, тающие на лету. Пустынная остановка. Время вроде бы не позднее – но все люди куда-то исчезли; нет никого. Только машины проносятся, со свистом размыкая лужи. Одинокая девочка-подросток среди темнеющих дорог, в старых кедах, пальто до колен, розовом шарфике... – сейчас, правда, она не в этом скорбном мире, а в мире своей музыки, какой-нибудь Мельницы, метельных вихрей, средневековых замков, королевишн, мудрых птиц. Эй! Ау!

Весь обратный путь Данила разъяснял некие жизненные истины, от которых ему самому было тошно. Как он и предполагал, Дашка целый день каталась на автобусе – сначала в одну сторону, до Светлого Луча, потом обратно. Бродить по улицам было холодно, сидеть в подъезде – скучно и слишком неудобно, жители косились, собаки, ведомые на прогулку, противно тявкали; автобус же дарил серию ненавязчивых картинок за окном и мирное, почти колыбельное, сопение мотора... Поток красноречия Данилы быстро иссяк, сам того не замечая, он проговорил все установки матери, усвоенные с детства: о том, что необходимо прилежно учиться, слушаться старших, а также о незавидном будущем, особенно, если принять во внимание сегодняшнюю неразумную дерзость. Он, например, тоже страдал, но почему-то так никогда не поступал. На «незавидном будущем» Данила и споткнулся. В этом слове сквозила пустота. Там не было ни музыки, ни слов, ни движения. Только мертвенная воронка на обочине. Размытая линия, чем-то похожая на петлю.

– Прости, – сказал Данила, – ты понимаешь, это я так. Мать переживает, чуть с ума не сошла.

Он тронул сестру за руку и чуть улыбнулся, ободряюще. У самого подъезда Дашка расплакалась. Сказала, что о спонтанной выходке пожалела почти сразу, но ей было страшно вернуться домой. Телефон разрядился, а так бы она обязательно всем позвонила.

– Всё будет хорошо, – заверил Данила, – ты не представляешь, как мама обрадуется! Жива, здорова...

– Да ну... Лучше бы она проекты свои оставила. Это ведь я начала сегодня, первая... Стала говорить, сначала спокойно, но вот после...

– Что за проекты?

– А ты не знаешь?

– Она... В общем, она, – Дашка быстро глянула по сторонам, – встретила одного мудилу и хочет выйти замуж. Точнее, он этого хочет, а она соглашается.

– Что-о-о?!

– Тебе бы этот псих не понравился. Во-первых, он моложе. Такой наглый, самоуверенный тип. И это ещё не всё! Как бы тебе сказать... Ладно. Его зовут Анатолий, и если ты зайдёшь завтра пораньше, то можешь его застать.

– Зайду.

– Обязательно?

– Давай, Даш... – Даниле не хотелось обманывать, а потому он лишь махнул рукой. – Скорее всего, зайду. Дел завтра много.

Он с такой лёгкостью рассуждал про «завтра», будто оно должно было непременно наступить.

Теперь, по-быстрому закинув в себя макароны, слипшиеся и невкусные (не до кулинарных изысков сейчас), Данила осторожно поместил корпус небольшой коробки с детонатором себе под куртку, во внутренний, пришитый для этой цели карман.

Пискнул телефон, проверять не стал. Мысли клубились беспорядочно, бестолково – ни о чём и вроде бы и обо всём сразу: так происходило всегда, когда он прикасался к корпусу взрывного устройства, которое, тщательно скрывая, сам же изготовил в университетской лаборатории. В основном. А дома лишь частично.

Кортеж Тирольского, он знал точно, рано утром должен проехать в город: из Светлого Луча, где олигарх в «зимнем дворце» проводил выходные, на передачу радиостанции «Мираж». Прямой эфир проходил раз в неделю, по понедельникам, в семь утра – так совершалась дополнительная промывка мозгов простых горожан: разного рода трудяг, студентов, государственных служащих, которые только-только проснулись и, завтракая, торопливо собирались на работу или учёбу. Тролль, как он сам выражался, заряжал их позитивом на весь рабочий день, а также грядущую неделю. Плёл какие-то пошленькие байки, хихикал, любезничал с позвонившими дамами.

Данила надеялся, что больше его мерзкий голос на «Мираже» никто не услышит. Подражая героям-шахидам, он планировал дождаться кортежа и броситься с бомбой прямиком под лимузин. Детонатор сработает от электрического заряда, останется лишь кнопку вовремя нажать. Самоподрыв должен произойти мгновенно, а потому – никаких «завтра» уже не предполагается. Так же, как и семейных встреч, бесконечных и пустых.

Неожиданно он понял, что имя любовника матери совпадает с именем Тролля, но каких-либо чувств уже не испытал. Ещё раз проверил пояс с укрепленным взрывным устройством, затянул ремень и вышел в гулкую, ночную темноту.

Чай с котом

Особняк, или «дом поэта Суслова», как называли его в народе, предлагал каждому посетителю свою личную историю, вот только расслышать её получалось не всегда. Экскурсовод Леонид Николаевич Линозов с энтузиазмом воспринял сюжеты, связанные с парадным бытом Дворца культуры. Восторженно соотнёс их со своим детством, в котором также было много доброго и благополучного; расцвел причудливым набором старинных лепнин и романтикой дальних странствий. Пересчитал паруса кораблей, а также каждое пёрышко птицы Сирина и остался доволен пусть малыми, но всё же – открытиями: результаты подсчёта выдавали число двенадцать, такая вот удивительная случайность, а может быть, и таинственный намёк.

Проектировщиком был сам хозяин дома, купец Былинкин, который, безусловно, знал толк в прихотливой красоте, однако углубляться в его творческий поиск и трагическую историю особого желания не возникало. Там, за границей культурных событий советского времени, по мнению Линозова, начиналась какая-то непроглядная топь и хлябь, в которую лучше не заглядывать. Выбрались, вот и славно. Плохо, что ненадолго, и все достижения, по сути, растеряли. Точнее, разворовали, растащили на частные «зимние дворцы», дорогие лимузины и золотые унитаза. Про финансовые аферы Толечки Тирольского Линозов охотно рассказал бы подробнее, но в тот день он сильно устал, а потому финальную часть решил подсократить. Тем более, женщина в берете, как он заметил, с упорной тупостью, несмотря на запрет, снимала за его спиной на телефон здания, а дети принялись вдруг громко шмыгать носами и бодро топтать, всем своим видом изображая, что замёрзли. Один только кот да задумчивый бородатый муж сохраняли мудрое безмятежие и чуть мрачноватое, барочное спокойствие.

Воспринимались они как пара, как неперенное дополнение друг друга, а потому Линозов очень удивился, когда по завершении экскурсии к нему подвалил кот и попросился на ночлег. Причём то была скорее не просьба, а требование.

– Нет-нет, – замахал руками Леонид Николаевич, – у меня уже есть обитатели дома! Безмолвные древние жители... С родословной... Не просто так...

Кот облизнулся и, расправив хвост трубой, двинулся следом.

– Брысь, – негодовал Линозов, – всякие доходяги мне не нужны! Я никогда не увлекался всякого рода котиками, я человек серьёзный! Так что...

Так что кот уверенно, даже несколько опережая, победно зашёл в подъезд, а затем – Леонид Николаевич и сам не понял как – едва только дверь квартиры приоткрылась, мигом оказался в прихожей и, возликовав, бросился изучать интерьер. Так. Где у вас тут кровать? Где холодильник? Есть ли балкон?

– Что за гад, куда он делся?! – метался по квартире Линозов с веником. – Караул! Вторжение! Грабят!

Но всё это выглядело несерьёзно и даже несколько комично. Кот, в отличие от некоторых, обладал изысканными манерами и самым что ни на есть благородным воспитанием. А потому, осмотрев помещение, он прыгнул в ванну и стал ждать, чтобы ему помыли лапки.

– Чего ещё не хватало, – ворчал Леонид Николаевич, – навязался, понимаешь ли... – Но кран всё же открыл, настроил тёплую воду и, вспенив гель для душа, намылил коту лапки до самых щиколоток. Тот от удовольствия зафыркал. Пришлось выделить ему и полотенце – у Линозова давно никто не гостил, а потому он не без труда разыскал на дне шкафа дополнительный комплект постельного белья, а также белое, слегка потрёпанное полотенце.

...Мир уже окутал тёмно-дымчатый занавес ночи, сквозь который просвечивали редкие фонари, похожие на дальние планеты, а Линозов с котом сидел на кухне и пил чай.

– Что наша жизнь... – вздыхал Линозов. – Так, травинки рост. Сегодня взошла, расцвела, завтра увяла. Были у меня ведь мечты, про то, про сё. И... вжух. Шестидесят уж скоро. Нет, в школе работать мне не нравилось. Экскурсоводом быть уже поднадоело. Мне бы в актёры податься, да, видимо, поздно. Психологом стать хочу, вот на курсы, может, скоро запишусь... Консультации потом давать буду, эти, как их там... Тренинги проводить. В дружбе давно разочарован, в любовь не верю. Встречался я тут с разными барышнями, то с одной, то с другой, а любил всегда одну. Вот так, кот, бывает. Ни дня нет, чтобы её не вспомнил. Правда, это целое искусство. Но я себя настраиваю, и вечно вроде бы влюблён... А она, что она? Не виделись сто лет. Сын её, бездельник, куда-то исчез.

Негодник этакий. Даже не позвонил. А другом ведь считался, соратником, взгляды мои разделял. Все, в общем-то, про меня забыли. Это я на людях только такой бодрый, весёлый, а внутри... Так по-другому и не получается. Нынче Толечки Тирольские правят бал. Коррупция в стране и прочий беспредел. Мы ведь в одной школе учились, в одном классе, понимаешь? И всегда он выделялся. Достанет из пенала мятную жвачку – девчонки пищат, на шею вешаются, в губы чмокают. Машину вскоре купил, за руль сел, тут уж всё. Куда нам угнаться. А мне, может, тоже хотелось чего-нибудь такого яркого, необычного, великолепного... Эх, друг, да что вспоминать... Была молодость и прошла. Волосы стали седыми. Кожа на лице – жёсткой. Каков он, тот свет, – не знаю. Да и есть ли она, жизнь за гробом? Что скажешь? Но в храм иногда захожу, свечи ставлю, так что... Как знать, может, случится и на моей улице праздник. Что-нибудь хорошее... Счастье. Как знать...

Этим разговором Линозов так увлёкся, что даже не заметил: древний червь Поллет проснулся, вышел из зимней спячки и теперь напряжённо, не мигая, смотрит вдаль, и глаза у него чёрные и узкие, как пропасти земли.

ГЛАВА 10

Ожидание

Ещё темно, а листья шумят. И ветер весенний. Птицы вот-вот запоют. В напряжённой тишине слышно всё. Данила шёл, словно бы отдельно от своего тела – он уже столько раз представлял себе в уме этот выход, переживал всё в мельчайших подробностях, вплоть до прохладного, но не враждебного ветра и неподвижных шапок снега на низких кустиках и ограждениях, что теперь с трудом бы отличил явь от мерцающего сна. И это хорошо. Слияние мысли и действия давало спокойную уверенность, что всё получится. Поздно уже что-то менять.

В предрассветной дымке город, знакомый до боли, становился другим, так, словно бы Данила ступил в негатив давно известной, изрядно поднадоевшей фотографии. Здания выступали из мглы, будто остовы затонувших кораблей, и только в очень редких окнах горели огни. Прохожих, как и следовало ожидать, почти не было, лишь один раз в сторону центра прогремела какая-то женщина с тележкой, а в сквере возле особняка томилась компания пьяных подростков с гитарой, издававшей неустойчивый и жидкий звук.

Данила мог бы пойти и другой, более короткой дорогой, но слишком часто он мечтал, как окажется именно здесь, прощаясь с нелепой и жалкой, но всё же удивительной жизнью, с городом, с полуразвалившимся старинным «домом поэта Суслова» и с бледным храмом, купола которого среди тёмных облаков казались невесомыми; вся эта ненужная сентиментальность, заложником которой он теперь оказался, диктовала свои маршруты и предпочтения. Он следовал им, боясь, что произвольный сдвиг, проявление даже малейшего своеволия разрушат сложившуюся определённую. Раз планировал идти через город и чувствовать себя последним героем, пусть будет так. Вышел, конечно, поздновато, но всё равно запас времени имеется, достаточно ускорить шаг...

Вот памятник Ленину. Возле него Линозов обычно собирает экскурсионные группы. Жаль, забежать попрощаться, ещё раз увидеться не успел; но Данила был уверен, что дядя Лёня всё поймёт и простит. Вот большие деревянные качели, на которых они когда-то сидели с Полиной. Отталкиваясь от земли, парили в небе.

– Поля, – сказал после Данила, – о чём задумалась?

– О жизни, которая нас ждёт... Ты даже не представляешь, как будем мы счастливы... – она положила голову ему на плечо и ткнула пальцем вверх. – Вот там горят звёзды, и одна из них – наша.

Неужели эта звезда горит и сегодня? Даниле стало смешно.

Вот стадион на месте бывшего церковного кладбища. Над ровным асфальтом туманно вздымалось что-то похожее на кресты, и человек, обвитый белым полотном, стоял поодаль. «Ха», – подумал Данила, но приближаться, вникать в эту театральную постановку не стал.

Однако на душе вдруг стало зябко. Слишком пустым и слишком гулким, слишком чужим был этот город. Невесомый собор с куполами, похожими на связку воздушных шариков, молчаливый Ленин, старые качели, поток тумана, ветра, темноты...

Несколько по-иному представлял он прощание с городом. Более возвышенным, что ли. А тут – и деловая тётка, и громыхающая тележка, доверху набитая всякой ерундой, и пьяные подростки с токсующей гитарой. В довершение всего из какой-то подворотни к Даниле бросилась мелкая злобная собачонка и, задыхаясь от лая, постаралась цапнуть за штанину. Будь это какой-нибудь безродный пёс, опасный, похожий на ночного волка-убийцу, Данила бы опешил меньше. Реальность словно бы издевалась над ним, подсовывала карикатуру. У собачонки были тонкие трясущиеся лапки-прутики, шерсть торчком и острые мелкие зубки, её ничего не стоило бы прихлопнуть, как муху, но от того, что Данила никак не реагировал, а лишь ускорил шаг, она, превратившись в разъярённый комок шерсти, почти летела за ним следом по воздуху. Наконец выдохлась и отстала.

Мелочь, казалось бы, но настроение испортилось окончательно. Тревожная неустойчивость переросла в гнетущее раздражение. Из рискованного парня-смельчака он стал казаться самому себе полным неудачником, бездарем, который заранее, без всякого боя, проиграл вожделенную битву, и хотя, пока что, это было и не так, плохие предчувствия усиливались.

На окраине города начинался огромный пёстрый базар. Первые продавцы, громко переговариваясь, уже раскладывали свой товар, что также не давало ему сосредоточиться. На внешнем уровне суета и грубые окрики продавщиц ничего не меняли, но на внутреннем – расшатывали слаженный, почти воплощённый идеальный план. Теперь летящие собачки мерещились Даниле в каждом углу.

Наконец он почувствовал, что напряжение достигло высшей точки, что он физически не сможет ещё полчаса идти вдоль шоссе до перелеска, до того места, где он заготовил для себя и брезентовый коврик, и плащ на случай дождя. Могло случиться всё что угодно. После того как мимо проехала милицейская машина и вроде бы возле Данилы чуть замедлила ход, словно взвешивая, нужно ли остановиться и проверить этого странного молодого человека, куда-то чапающего в такую рань, он не выдержал и решил расположиться у самого въезда в город, в канаве, поросшей чахлыми редкими кустиками. Возможно, это и не самый плохой вариант. В любом случае, какая разница: выскочит он на трассу ближе к Светлому Лучу или дальше. Главное, не проморгать машину, самому не тормознуть.

Он спустился в канаву под тощую облысевшую ёлку, состоящую из сухих веток-прутьев, скомканной сетью уходившую в небо, и, прислонившись к стволу, замер. Раньше ему казалось, что он опаздывает и нужно ускориться, теперь же, напротив, он понял, что пришёл слишком рано. Если Тролля не взбрёт в голову ехать в другое время (кто знает!), то впереди ещё часа три... Можно немного расслабиться, не забывая, конечно, поглядывать на дорогу...

Данила не представлял, что простое ожидание окажется настолько трудным и выматывающим. Одно дело, когда он шёл по городу, отвлекаясь на пятое-десятое. На ту же пакостную собачонку. Но совсем другое – застыть без движения в грязной замусоренной канаве, среди болотистых луж, и смотреть не отрываясь на редкие машины, пролетающие быстро и почти бесшумно. Вряд ли Тролля захочет выехать пораньше. Не в его это характере. Данила наблюдал уже пару месяцев. Несколько раз выходил в это время на трассу – просто чтобы посидеть, прорепетировать, осознать. Научиться безошибочно, издалека узнавать автомобиль врага. И он знал, что раньше шести тридцати Тролля не выезжает, а иногда может и задержаться.

Каждая минута тянулась страшно медленно. Так, словно время обернулось пластинкой, которая, крутясь, постоянно заедала и образовывала мучительные лакуны-паузы. Такие пластинки, плоские планеты, танцующие под смычком проигрывателя, он помнил в раннем детстве. Тяжёлый музыкальный агрегат стоял на специальной тумбочке. И если звук начинал западать, нужно было, чтобы мама подошла и поправила иглу. Потом появились лёгкие кассеты, прозрачные коробочки с мотками тёмной плёнки внутри корпуса, и проигрыватель вместе с пластинками оказался на свалке. Для того чтобы скоротать время и отвлечься, Данила решил вспомнить, какие же сказки он слушал в детстве. Вместо названий всплывали отдельные фразы, которые тут же начинали кружиться, повторяясь по кругу: «Ганс-Трина, Ганс-Трина, пух-перина, пух. Ганс-Трина, Ганс-Трина...» Где-то там, на несуществующей солнечной долине, среди пышных зелёных лугов стоит домик этих самых Ганса и Трины, до смерти влюблённых друг в друга. От жизни им ничего не нужно; их не волнует, что Трина слишком толстая и вся какая-то выцветшая, стареющая, а молодой Ганс – бездельник и транжира. Лишь бы цветы в полях собирать. Спать на мягкой перине. Петь эту песенку, пить из кувшина молоко... Тьфу! Тролля на них не хватает, который бы схапал себе их домик, изнасиловал Трину, а Ганса отправил бы пасти овец. Нет. На современный манер – заставил бы вести прибыльный блог и обзванивать кли-

ентов, навязывая им всякую фигню. Попробуй отказаться, Ганс. На моей стороне не только власть, сила, деньги, но и красота, искусство, толерантность. Твой кувшин с молоком и букет цветочков, собранных для Трины. «Ганс-Трина, Ганс-Трина, пух-перина, пух...ух...»

Вспомнилась Дашка. В какой-то степени это была битва и за сестру: неизвестно, как сложится её судьба, но отсутствие Тролля, безусловно, повлияет благотворно. Город освободится от груза золотых табличек, сразу станет легче дышать. Станет просторнее, прохладнее, солнце смирит свой навязчивый пыл...

Сейчас, правда, было холодно. Очень холодно. Данила пожалел, что не догадался одеться потеплее. Хоть бы вязаные шерстяные носки той Натальи захватил... и какой-нибудь плед. Перчатки. Пальцы рук просто отваливались. Он сцепил ладони под сдвинутыми в единую трубу рукавами, стараясь унять дрожь.

Уже прошёл час или два, поток машин значительно увеличился, и это тоже был существенный недостаток выбранного наугад места. Ближе к Светлому Лучу движение не такое сильное. Кроме того, и растительность густая, пышная. И деревья огромные. Просто чаща непролазная! Будто затаившийся зверь, он чувствовал бы себя там в полной безопасности. А теперь... Что-то ему подсказывало, дрожит он не только от холода.

Ещё хотелось пить. Вот тебе результат пачки солёных крекеров. Но это не главное! Примерно за полчаса до ожидаемого момента Данила перестал различать горизонт. Всё слилось в какую-то единую непроглядную хлябь. Машины он узнавал, но они казались чужими, инопланетными. Скользили будто на той стороне реальности. Где-то в другом мире.

Сердце билось бешено. Более того, с каждой минутой всё сильнее. Временами ему казалось, что ходит ходуном не только куртка, но и земля вокруг. «Мерзкий трус, – не хотел смиряться Данила, – ты же столько раз уже был здесь... Осталось совсем немного... Сущий пустяк... Соберись...» Был здесь. Здесь – да не совсем здесь! Вот в чём дело...

Ганс, Трина, Ганс... Сделав усилие, он подполз к самому краю канавы и, прячась за прошлогодней травой и кустами, стал наблюдать. Угол обзора был неудобным, машины, словно цветные фишки, скатывались с пригорка, расположенного слишком близко. «Всё не так, всё не так...» – с ужасом понимал Данила.

Зазвонил телефон. Пришлось достать из кармана, чтобы посмотреть, кому там неймётся. Звонила Даша.

– Привет, братик! – принялась щебетать она, едва Данила принял вызов. – Ты был прав, у нас всё хорошо. Мама обрадовалась. Может, я, это, правда, ошиблась. Ты знаешь, Анатолий, может, и не такой плохой.

– Какой ещё Анатолий?! – прохрипел Данила.

Само имя обжигало, точно кипяток. Он никогда бы не подумал, что слова могут быть настолько горячими и даже кипящими.

– Как какой?.. Мм... мамин друг...

– С дуба рухнула! Звонить ночью! Который час?

– Ой, уже почти семь. Данил, прости. Я думала, ты, как обычно, к семи на работу едешь... Ты же до первой пары раньше ездил, чтобы всё успеть... Ты больше не едешь, да? Это даже хорошо, послушай...

– Сколько, ты сказала? Сколько уже времени?! – Данила вырубил телефон и поднёс к глазам наручные часы.

Так и есть. Стрелка циферблата стояла неподвижно. Замерла ровно на без десяти семь. Вот в чём дело...

Почти семь... Но Тролля ещё не проезжал.

Он отломил у телефона заднюю крышку, вытащил симку, затем всё убрал в карман и замер, приготовившись в любой момент выскочить. Теперь уж точно счёт шёл на секунды. Эта машина? Та? Или следующая? Тролля иногда опаздывал, что, конечно, в порядке вещей, так может быть. Эта задержка вернула переживания к исходному сценарию, Данила вновь обрёл опору. Теперь он забыл, что хотел пить и замёрз. Стало уже совсем светло, и он прекрасно различал лесок на той стороне. Туманный луч дороги, который скоро может стать лучом смерти.